

Представления о смерти и загробной жизни в трилогии Ф. Пулмана «Темные начала»

О. В. ПАВЛУХИНА

(САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)

В статье рассматривается концепция смерти и бессмертия в трилогии Ф. Пулмана «Темные начала», исследуется использование мифических мотивов и сюжетов в контексте современного художественного произведения.

Ключевые слова: проблемы жизни и смерти, бессмертие, инициация, подвиг героя, секулярная этика, Ф. Пулман.

«Темные начала» — трилогия известного английского писателя Филипа Пулмана, состоящая из романов «Северное сияние» (1995), «Чудесный нож» (1997) и «Янтарный телескоп» (2000). Трилогия быстро завоевала популярность, хотя не раз подвергалась жесткой критике, прежде всего за антиклерикализм и богоборческий пафос. Автор не просто использует древние сюжеты и мифические мотивы для раскрытия собственных идей, но и предлагает при этом некую программу секуляризации, освобождения от авторитаризма, в том числе религиозного. Пулман открыто озвучивает свою позицию как атеистическую, однако идеи «Темных начал» восходят как к архаическим, так и к гностическим представлениям. В контексте антирелигиозных идей писателя весьма значима разрабатываемая им концепция смерти и бессмертия.

Космология Пулмана строится на представлении о множественности миров как теории реализации возможностей на всех уровнях эволюции на фоне утверждения материального начала как основы Вселенной. Однако центральное место в романе занимает антропология: «Толкин... начал с изобретения языка эльфов, он придумал мир... и стал писать рассказы об этом мире. Я же лишь хотел рассказать историю о девочке и мальчике — о том, как они становятся взрослыми, и случайно написал фантастическую повесть о различных мирах, просто потому, что так я мог передать свою историю лучше всего» (The Rough Guide..., 2003: 93; пер. автора. — Ред.). Тем не менее трактовка Пулманом так называемых вечных проблем и сам факт привлечения внимания читателя к мифологической составляющей человеческой культуры говорит

о стремлении современного человека пусть даже через развлечение выйти за пределы обыденности.

Страна мертвых в трилогии представляет собой последний из миров; его можно достигнуть, минуя выход в трансцендентность. Царство мертвых, основанное Властителем на заре веков, есть подобие каторжного лагеря, где небо не дает света, а голая земля утоптана миллионами ног: «Они были заключенными. Кто-то совершил преступление, и никто не знал, какое, и кто, и какой судья вынес приговор» (Pullman, 2008: 604). Никакие земные заслуги и добродетели не могут спасти от сошествия в преисподнюю. Герои Пулмана первоначально оказываются в мире, представляющем собой зеркальное отражение мира предыдущего, только убитый человек оказывается живой тенью. Далее следует дорога в мир мертвых, по которой бредут тысячи теней, подгоняемые неким инстинктом. Во время пути стираются контуры вещей, гаснет пейзаж. Возможно, очертания исчезают, а местность погружается в сумрак потому, что люди забывают свою земную жизнь — восприятие смерти в значительной степени оказывается субъективным. Необходимо отметить, что представление о бесконечной дороге, ведущей в страну мертвых, является вполне традиционным (Генерозов, 1999: 236).

Преддверие страны мертвых представлено автором как лагерь беженцев. Примечательно «антиэкологичное» описание города мертвых: тяжелый воздух, испарения от едких химикалий, лужи нечистот, нагромождение лачуг. Такая характеристика загробного мира вполне созвучна материальной атмосфере, создаваемой Пулманом: чувственное восприятие является определяющим. Впрочем, такие характеристики преисподней, как дурной запах и отвратительные зрелища, также традиционны (Житие преподобного Василия Нового..., 1893: 134–157). Город мертвых — это зона ожидания, в которую по ошибке могут попасть и живые, вынужденные затем ожидать своей смерти. Бумаги, на которых написаны какие-то бессмысленные слова и которые нужно отдать чиновнику, напоминают «Замок» Кафки: все обесмысливается. Комната

в лачуге также наводит на мысль о потере смысла: на стенах развешаны картинки из журналов, по полкам расставлены безделушки, на столе стоят алкогольные напитки и еда — обычное жилище обывателя, но вне жизни.

Смерть у Пулмана персонифицирована. Смерти — человекоподобные создания, занимающие мало места и не привлекающие внимания. Смерть рождается вместе с человеком, следует за ним и сообщает, когда ему нужно отправляться в мир иной. В романе Пулмана смерть выполняет функцию психопомпа — провожает главных героев в царство мертвых до пристани. Описание пути в страну мертвых продолжается в том же духе: по маслянистой воде озера к полусгнившей пристани причаливает латаная шлюпка, которой правит древний старик в рубище из мешковины со слезящими глазами. Необходимым условием для путешествия через озера оказывается оставление на берегу своей души (деймона), и эта процедура крайне мучительна.

Адские муки в стране мертвых олицетворяют гарпии — мифические птицы с женским лицом. Загробные мучения заключаются в напоминании всего постыдного, что человек сделал за свою жизнь: «...они знают, как заставить тебя страдать, только чтобы ты думал обо всем плохом и глупом, что сделал в жизни... пока себя не возненавидишь» (Pullman, 2008: 844–845). Следует отметить, что восприятие загробного мира является субъективным: примечательно воззвание фанатика, утверждающего, что вокруг него раскинулся рай, невидимый для падших душ. Эта идея перекликается с христианским представлением о Божественном огне, составляющем блаженство для праведников и муку для грешных. Ад создан искусственно, и герои его упраздняют, открывая духам проход из-под земли. После «победы над смертью» условием выхода духов из царства мертвых является полноценно прожитая жизнь. Гарпии показывают выход из подземной страны за то, что мертвые рассказывают им правдивую историю, — ложь или молчание будут означать вечное пребывание в мире теней: «Мы имеем право не провожать их, если они лгут... или если им нечего нам рассказать» (там же: 853).

В целом пулмановская концепция загробного мира идентична античным представлениям о Тартаре. Тени постепенно утрачивают сознание, но их влечет прикосновение к живому телу. Поскольку страна мертвых, по сути, оказывается царством пустоты, любое отклонение от радостей земной жизни является бессмысленным, а уничтожение смерти заключается в слиянии с Вселенной целью уничтожения собственной идентичности. Эпиграфом к одной из глав является строка из Пиндара: «Душа моя, ты не ищи бессмертия. Лучше возьми все, что можно от жизни» (там же: 986). Однако утверждение жизни в романе Пулмана не является однозначным: любящие друг друга герои вынуждены расстаться, поскольку принадлежат разным мирам, но мечтают о встрече своих атомов после смерти. Таким образом, представление о смерти как разрешении проблем жизни все же остается у Пулмана, хотя и не является преобладающим.

Кульминационный момент романа заключается в том, что герои (мальчик и девочка) осуществляют сходжение в мир мертвых и выводят оттуда души умерших. Спасение мира необходимо осуществляется через частные цели: Лира всего лишь хочет попросить прощения у мальчика, в смерти которого она была косвенно виновна, Уилл — поговорить с погибшим отцом. Онтологически это оправданно: конечное существо должно иметь конечную цель. Поэтому мифические герои, в отличие от Богочеловека, обычно не выводят мертвых из ада, хотя и спускаются туда. Тема детей, от которых зависит спасение мира, восходит к проблеме инициации, направленной не только на перемену состояния и статуса, но и на восстановление космоса: «...обновление всегда мыслится и ритуально представляется как смерть и новое рождение, т. е. некое воспроизведение в личном плане мифологического (в принципе космогонического) начала» (Мелетинский, 2000: 229). В мире же после возвращения детей практически ничего не происходит, меняются только они сами. Путь героя ведет к его упорядоченной жизни в социуме, что дает нам право рассматривать подвиг героев Пулмана именно

как инициацию. Их подвиг означает лишь временное восстановление равновесия, поэтому трилогия Пулмана, как и народные сказки, принципиально не эсхатологична: «Обязательный счастливый финал, как правило, включает женитьбу на царевне и получение «полцарства» (там же: 268).

Значимость человека у Пулмана причудливым образом сосуществует с концепцией сотворения индивида во Вселенной. Такая «пантеистическая» эсхатология, по сути, отменяет трагичность смерти: «Глубока и трагична смерть лишь для личности и с точки зрения личности» (Бердяев, 1993: 220–221). Отказ от концепции личного бессмертия означает утверждение торжества жизни: смерть и распад ведут к вечному атомарному существованию во Вселенной. Основной пафос романа состоит в отказе от теологических обоснований человеческого существования, но это не означает отмены личной ответственности за свои поступки. Необходимость построения утопического проекта (Небесной республики) также требует отречения — даже большего, чем требовала вера, в силу того что такое отречение лишено каких-либо обетований, и на нем построена секулярная этика как таковая.

Таким образом, исходя из частной истории автор обращается к глобальным вопросам — от проблемы смерти индивида до космогонии и космологии. Пулмана нередко обвиняют в богоборчестве, и это обвинение имеет под собой основания. Однако необходимо учитывать, что мир «Темных начал» (как и любой придуманный мир) все же не тождественен нашей реальности, несмотря на видимые аллюзии. Но фантазии Пулмана подчеркивают важность столь актуальных для нас проблем: самореализации и адекватности самовосприятия, добра и зла как свойств человеческой природы, призвания индивида и человечества в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бердяев, Н. А. (1993) О назначении человека: опыт парадоксальной этики. М.: Республика.
- Генерозов, Я. К. (1999) Русские народные представления о загробной жизни на основании заплачек, причитаний, духовных стихов. Приложение // Соболев А. Н. Мифология славян. За-

гробный мир по древнерусским представлениям. СПб. : Лань. С. 219–265.

Житие преподобного Василия Нового и видение Григория, ученика его, о мытарствах преподобной Феодоры. (1893) М. : Типолитография И. Ефимова.

Мелетинский, Е. М. (2000) Поэтика мифа. М. : Восточная литература.

Pullman, Ph. (2008) *His Dark Materials*. L. : Scholastic.

The Rough Guide to The Lord of the Rings. (2003) L. : Haymarket Customer Publishing.

*THE CONCEPTS OF DEATH AND AFTERLIFE
IN PH. PULLMAN'S TRILOGY
«HIS DARK MATERIALS»*

O. V. Pavlukhina

(Saint Petersburg State University)

In the article the conception of death and immortality in Ph. Pullman's trilogy «His Dark Materials» is considered. The author analyzes the use of mythical motives and plots in the context of the contemporary work of fiction.

Keywords: the problems of life and death, immortality, initiation, hero's deed, secular ethics, Ph. Pullman.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

Berdiaev, N. A. (1993) *O naznachenii cheloveka: opyt paradoksal'noi etiki*. M. : Respublika.

Generozov, Ia. K. (1999) *Russkie narodnye predstavleniia o zagrobnoi zhizni na osnovanii zaplachek, prichitanii, dukhovnykh stikhov. Prilozhenie // Sobolev A. N. Mifologiiia slavian. Zagrobnyi mir po drevnerusskim predstavleniiam*. SPb. : Lan'. S. 219–265.

Zhitie prepodobnogo Vasiliia Novogo i videnie Grigoriia, uchenika ego, o mytarstvakh prepodobnoi Feodory. (1893) М. : Tipolitografiia I. Efimova.

Meletinskii, E. M. (2000) *Poetika mifa*. М. : Vostochnaia literatura.

Pullman, Ph. (2008) *His Dark Materials*. L. : Scholastic.

The Rough Guide to The Lord of the Rings. (2003) L. : Haymarket Customer Publishing.